

Управляющий выругался на ходу и удалился, оставив его в одиночестве возиться на оживленном заднем дворе. Вскоре кто-то привычно сунул ему в руки тарелку с овощами:

— Живей давай, на кухне ждут, только что перебранные...

Нахмурившись, он опустил взгляд на овощи, а затем оглядел спящих туда-сюда слуг, всё еще до конца не понимая, что происходит.

Но, словно поддавшись царившей здесь атмосфере, его ноги сами собой двинулись вперед, и он действительно зашагал в сторону задней кухни. Слуги, хлопоча по хозяйству, о чем-то громко переговаривались:

— Кто бы мог подумать, что Юйчи Лань вот так помрет? Интересно, как сильно наш господин сегодня вечером обрадуется!

— Еще бы, без клана Юйчи кто теперь ему соперник?

— Эй, послушайте... А как умер Юйчи Лань?

— Да как он мог умереть — лучший друг в спину нож воткнул, вот и всё.

Бормотал он про себя.

Только он опустил на стол тарелку с овощами, как кто-то приволок два огромных куса бараньих ребрышек и вместе с деревянным тазом сунул ему в объятия:

— Ступай на задний двор и живо всё разделай!

—

Стоило ему принять ношу, как он понял: эта тяжесть ему не по силам. Два куса ребер весили не больше тридцати-сорока цзиней; будь он прежним Юйчи Лань, то запросто поднял бы одной рукой восьмидесятифунтовую каменную ступу. Но нынешний он едва не согнулся под тяжестью этого таза.

Заметив, что у него подкашиваются ноги, тот человек тут же подскочил и поддержал его:

— Аккуратнее... Новичок? Цзун Цзинь, верно? Давай шустрей, там уже ждут.

Стоило ему подумать, что этот парень еще ничего, вполне доброжелательный, как в тот же миг он почувствовал, как кто-то не слишком вежливо ущипнул его за задницу. У него мгновенно

встали дыбом волосы на теле, и он рефлексивно разжал руки.

С грохотом таз вместе с ребрами рухнул на землю. Схватив обидчика за воротник, он свирепо рявкнул:

— Жить надоело?

Дюжина пар глаз на кухне разом уставилась на них. Ему хотелось схватить этого хама, впечатать в пол и избить до полусмерти, чтобы выпустить пар, но не успел он и пальцем пошевелить, как кулак противника угодил ему прямо в живот.

— Кхе-е... — его от боли согнуло пополам, к горлу подступила кислая желчь, и он, скрючившись, прямо на пол изверг содержимое желудка.

Но тому парню показалось мало. Схватив его за волосы, он принялся орать:

— Это кому тут жить надоело? Все знают, что новичков вроде тебя набирают из веселых домов, чего ты тут из себя строишь? А ну пискни: «Братцы, я виноват», тогда, пожалуй, прошу.

Все вокруг замерли в ожидании зрелища, с любопытством разглядывая, как этот наглый мальчишка из борделя станет вымаливать пощаду.

Он скосил глаза, уголки которых покраснели, и во взгляде его промелькнула злобная свирепость:

— Я сказал: ты ищешь смерти.

В тот самый момент, когда он уже готов был огрести побоев, снова объявился управляющий.

— Опять грызетесь! Если живо не возьметесь за работу, поберегите свои головы! — стоило управляющему рявкнуть, как мужчина тут же отпустил его, делая вид, что занят делом, а он остался стоять посреди двора, пылая от ярости.

Бросив один взгляд, управляющий сразу понял, в чем дело, и повысил голос:

— Раз уж попали в поместье, вы теперь люди клана Хэлянь, прекратите устраивать всякую хрень, а не то не заметите, как сдохнете! Чего встали? А ну живо отнесите баранину разделывать!

—

Опустив голову, он смотрел на испачканные кровью бараньи ребрышки в тазу, а перед глазами вновь проносился тот самый миг, когда Ло Чэньхуань ударил его в спину.

До него дошло: с ним произошло то самое легендарное переселение в чужое тело.

Судя по военным сводкам, по его собственным воспоминаниям и по болтовне этой мелкой шпаны, он мог сделать лишь один вывод: Юйчи Лань мертв. А тот, кто сейчас стоит на кухне клана Хэлянь и позволяет распускать руки всяким мерзавцам — некий мальчик по вызову по имени Цзун Цзинь, которого только сегодня доставили в поместье Хэлянь, и отныне он будет обычным слугой Хэлянь Хэна.

Ах, надо же было выпасть такой жалкой участи!

Сколько бы он ни бунтовал в душе, он прекрасно понимал: с хилым телом Цзун Цзиня о каких-либо сражениях не могло быть и речи, он вряд ли сумел бы даже проучить эту свору слуг. Хотя нравом он от природы обладал диким и неукротимым, выдержки ему было не занимать, поэтому ему пришлось лишь молча присесть на корточки и с трудом поднять тяжелый таз с бараниной.

Устроившись у колодца, он принялся мыть ребра и одновременно обдумывать свое нынешнее положение.

Он погиб, а значит, его никчемный братец и Ло Чэньхуань наверняка расколятся на два лагеря и сцепятся за власть. В клане Юйчи началась усобица, и у Хэлянь Хэна в противниках остался только Хуанфу. Если подумать, разве не прекрасная возможность? Он вполне может подождать, пока Хэлянь Хэн разобьет Хуанфу, затем прикончить самого Хэлянь Хэна и поживиться чужими плодами.

Но первоочередная задача — откормить и укрепить это хилое тело, иначе как завоевывать мир?

Верно, заветная мечта Юйчи Ланя... мечта его прошлой жизни — объединить Поднебесную и восседать в великом зале города Тяньду. Но пути судьбы неисповедимы, а человеческие сердца еще коварнее; стоило ему оказаться всего в шаге от победы, как он умер, возродился вновь и теперь сидит на задворках, моет баранину.

— Эх...

Воины пировали и предавались утехам в парадных покоях, а слуги на заднем дворе вертелись юлой. Очень скоро у него не осталось времени даже на то, чтобы предаваться меланхолии — круговерть бесконечных поручений закрутила его вовсю. Незаметно сгустились сумерки, вспыхнули редкие огоньки масляных ламп, и только когда Цзун Цзинь наконец нашел минутку присесть и перевести дух, кто-то снова сунул ему в руки глиняный кувшин с вином:

— Быстрее, быстрее, свободных рук совсем нет, отнеси это в спальню к господину, живо!

— ...Да чтоб я сдох, если дам старику передохнуть! — не удержался он от бормотания.

— Чего ты там сказал? — тот не расслышав переспросил.

Пришлось сменить тон:

— А где... спальня господина Хэляня?

— Через средний двор, налево... Живей, живей, живо!

Недовольно поморщившись, Цзун Цзинь поднялся с места и, прижимая к груди кувшин с вином, направился во внутренний двор. Лицо его выражало такое раздражение, что ему хотелось надеть этот кувшин прямо на голову Хэляня Хэна. Людей во внутреннем дворе почти не было — когда Цзун Цзинь вошел туда, вокруг царила мертвая тишина, резко контрастировавшая с весельем снаружи.

По обеим сторонам двора зеленели вечнозеленые деревья. Задрав голову, он на мгновение задержал на них взгляд, а от доносившегося из кувшина тонкого аромата вина обстановка вокруг казалась еще более сюрреалистичной.

Поколебавшись секунду-другую, Цзун Цзинь внезапно сорвал сургучную печать.

Насыщенный винный дух мгновенно ударил в нос, дразня и маня. Какой настоящий герой откажется пригубить парочку кувшинов? И он не был исключением. Разве такое отменное вино достойно пить какой-то Хэлянь Хэн? Подумав так, он огляделся по сторонам и, заметив в углу колодец, с усмешкой поднес кувшин к губам и жадно отпил два больших глотка.

— ...Ха, хорошо, — не удержался он от вздоха, — и впрямь недурно... Еще глоточек.

Не успел он опомниться, как половина кувшина уже оказалась в желудке Цзун Цзиня.

Тело приятно потеплело, а лицо отчаянно запылало. Кто бы мог подумать, что вино окажется таким крепким — обычно он выпивал два кувшина, и даже щеки не розовели. Бурча под нос и пребывая в отменном расположении духа, Цзун Цзинь подбежал к колодцу, вытащил полведра воды и разбавил ею оставшееся вино.

— Раз ты так обрадовался моей смерти, то отведай-ка моего паленого пойла, — покачивая кувшин, с улыбкой пробормотал он сам себе.

В тишине внутреннего двора Цзун Цзинь, всё еще облаченный в просторные белые одежды, шатаясь, двинулся вглубь поместья.

Обитель Хэлянь Хэна отыскать не составляло труда: миновав средний двор, оставалось лишь два строения, и только в одном из них горел свет. Подойдя к двери, Цзун Цзинь с победным видом объявил:

— Вино господину принес!

— Войди.

Раздался глуховатый голос мужчины изнутри, и он бесцеремонно распахнул дверь. В комнате горела всего одна лампада, трепещущий огонек освещал чайный столик и кресла. А в другом конце за широким распахнутым окном, прислонившись к раме и сжимая в руке винную чашечку из слоновой кости, мужчина неторопливо потягивал вино, глядя в бездонную ночную выси.

Вокруг его ног валялись пустые кувшины — судя по всему, он уже немало выпил.

И это Хэлянь Хэн? Почему он совсем не похож на того Хэлянь Хэна, которого он знал прежде?

Тот Хэлянь Хэн, что противостоял ему на поле боя, был облачен в боевые доспехи, волосы стянуты высокой короной — пусть и уступал красотой ему, Юйчи Ланю, но всё же выглядел весьма статным мужем.

Нынешний же Хэлянь Хэн кутался лишь в темно-фиолетовую домашнюю одежду, черные как смоль длинные пряди рассыпались по спине, лицо было мертвенно-бледным, а брови слегка сдвинуты.

Прижав к груди свой фирменный суррогат, Цзун Цзинь с сомнением постоял, склонив голову набок, и лишь затем переступил порог.

Опьянение навалилось с новой силой, в голове зашумело. Сам того не осознавая, он зашагал прямо к Хэлянь Хэну.

Хэлянь Хэн даже не удостоил его взглядом, лишь привычно протянул винную чашечку, требуя наполнить.

Опустившись на колени, он в упор уставился на чашечку, которая в глазах двоилась, четверилась, шестерилась... Погодите-ка, неужели мужчины пьют вино из чашек? Разве это по-мужски?

Заметив, что слуга долго не приступает к делу, Хэлянь Хэн наконец повернул голову, и на его лице промелькнуло раздражение: — Чего ты мешкаешь... Это ты?

Он вспомнил: утренний мальчишка из низшего сословия.

И имя еще было вышито на вороте — Цзун Цзинь.

Только вот нынешний Цзун Цзинь разительно отличался от утреннего: щеки горели лихорадочным румянцем, взгляд в упор сверлил винную чашу в руке Хэлянь Хэна, между бровей залегла складка, а в глазах читалась жуткая, звериная злоба.

Спустя мгновение Цзун Цзинь резко качнулся вперед.

Одним взмахом он выбил чашу из рук Хэлянь Хэна и с размаху толкнул принесенный с собой кувшин прямо тому в грудь: — Мужик должен пить из горла, а не разводить сопли!

—

Да он же... напился?

С живым любопытством Хэлянь Хэн всматривался в его лицо, тщетно пытаясь отыскать хоть малейшее сходство с тем человеком. Увы, кроме взгляда, в Цзун Цзине не было ничего общего с прежним Юйчи Ланем.

Впрочем, оно и понятно: тот человек уже мертв.

Видя, что Хэлянь Хэн не спешит пить, потерявший всякий рассудок Цзун Цзинь оскалил зубы и с еще большим раздражением зашипел: — Будешь пить или нет? Ссышь, что ли? Боишься, я тебя ядом отравлю? Ничтожество.

Выругавшись, он выхватил кувшин обратно из рук Хэлянь Хэна и снова принялся жадно заливать в себя вино. Жидкость переливалась через край, стекала по подбородку, пачкала шею и воротник одежды. Не дав Хэлянь Хэну и слова сказать, он резко прервался, высунул язык и выругался: — Что за дрянь? Паленое пойло? Сколько воды сюда бахнули...

Похоже. До боли похоже.

Хэлянь Хэн и сам уже изрядно набрался, а сейчас, чем дольше он глядел на Цзун Цзиня, тем сильнее ему казалось, что каждое движение этого парня точь-в-точь копирует того человека.

Та же дерзость, та же безумная спесь.

Он сам не заметил, как протянул руку и ладонью мягко коснулся гладкой щеки Цзун Цзиня. Тот заторможенно скосил глаза на его руку и, словно желая доказать свое превосходство, тоже потянулся к нему и провел ладонью по его лицу.

Тихонько произнес Хэлянь Хэн: — Ты кто?

— А? — переспросил Цзун Цзинь. — Я... тот, кто заставит тебя склонить передо мной голову...

С этими словами его тело словно окончательно вышло из-под контроля разума, изнутри пыхнуло невыносимым, обжигающим жаром. Не сдержавшись подался вперед, прильнув к Хэлянь Хэну: — Чего ты тут сидишь и заливаешь тоску? Разве не должен радоваться?

— Чему мне радоваться?

— Тому, что твой заклятый враг окочурился, — Цзун Цзинь, напротив, обиженно взвыл, потрясая кувшином. — А потом сможешь пройти через Юйцюань на гору Бусяо. В клане Юйчи бардак, Хуанфу наверняка спит и видит, как бы сожрать Шанчжоу и Юйчжоу, ему сейчас не до тебя...

Побормотав еще немного, он, видимо от напряженной мыслительной деятельности, почувствовал, что голова закружилась еще сильнее, и начал заваливаться вперед.

И в следующий миг уткнулся носом прямо в грудь Хэлянь Хэну.

— ...Как я могу радоваться твоей смерти? — хрипло произнес Хэлянь Хэн, машинально подхватывая его. — Как ты мог... вот так просто умереть...

Их беседа больше напоминала разговор двух глухих.

Прижав к себе хрупкое тело Цзун Цзиня, обхватив его хрупкие плечи, Хэлянь Хэн в туманном хмельном дурмане стал срывать с него одежды, обнажая белые плечи. Цзун Цзинь вдруг взбрыкнул, единым движением вырвался из его объятий и яростно распахнул на себе рубаху: — Давай же, раз ты мужчина, делай всё до конца...

— ...Ты сам напросился.

<http://bllate.org/book/22011/2288229>